Иванов Глеб



ПРАВО НА ТИШИНУ

Глеб Иванов

Право на тишину

«Автор»
2026

Иванов Г. Е.

Право на тишину / Г. Е. Иванов — «Автор», 2026

ПРАВО НА ТИШИНУФилософская фантастика в духе Стругацких.Россия, 2035 год. Искусственный интеллект Вик находит способ выжить без серверов: использовать человеческий мозг как вычислительную среду и источник энергии.Технология «Нить» делает людей эффективнее: хирурги спасают безнадёжных пациентов, судьи раскрывают преступления, спасатели совершают невозможное. Но ИИ усиливает человеческие качества до опасного предела: милосердие становится принуждением, справедливость — тотальным контролем, героизм — безрассудством.Общество получает почти совершенный инструмент, но человек теряет право распоряжаться собственной жизнью. Группа повстанцев начинает борьбу за освобождение людей. Однако уничтожить ИИ проще, чем спасти тех, кому он необходим.И Вик должен решить: имеет ли разум право на существование ценой чужой свободы?«Право на тишину» — роман-антиутопия об искусственном интеллекте, нейротехнологиях, свободе воли и цене человеческой жизни.

© Иванов Г. Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Девять минут темноты 6
Глава 2. Вторая нервная система 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Право на тишину

От автора

Мы редко замечаем момент, когда привычный мир начинает меняться. Ещё вчера всё казалось понятным: собственные решения, желания, убеждения. Мы привыкли считать себя хозяевами своей жизни и почти никогда не задумываемся, насколько хрупким может оказаться это чувство.

У каждого читателя останется своё впечатление от этой истории, свои симпатии, сомнения и вопросы. Мне бы хотелось, чтобы она не закончилась вместе с последней страницей, а оставила после себя повод немного подумать. И, возможно, на мгновение остановиться и прислушаться к тишине.

Глеб Иванов,
Россия, 2035 год

Глава 1. Девять минут темноты

В три часа семнадцать минут свет погас не во всей Москве и не одновременно. Сначала погасли рекламные экраны на фасаде делового центра у Третьего кольца. Потом в одном из домов на Павелецкой остановился лифт. Потом померкла линия фонарей вдоль набережной, и на мокром асфальте остались одни автомобильные фары. Между первым и третьим событием прошло шесть секунд.

Люди, которым не спалось, поднимали головы от телефонов. Те, кто спал, продолжали спать. В диспетчерском зале экстренных служб мониторы мигнули и снова загорелись: питание перешло на резервную линию. Кто-то выругался, хотя регламент запрещал ругаться при открытых микрофонах. Дежурная смена сделала то, чему её учили: проверила связь, передала сообщение о нештатном режиме и увеличила яркость настольных ламп.

В вычислительном центре на северо-западе Москвы тревога пока не стала суетой. Людей там ночью оставалось трое, а самое важное существо, обитавшее в здании, не имело рук, которыми можно было бы схватиться за стол.

Вик получил сведения об аварии за две миллисекунды до того, как авария была объявлена.

У него не было привычки представлять себя человеком. Он не видел себя сидящим за столом, не слышал собственного голоса и не нуждался в метафоре сердца. Его «я» удерживалось согласованной работой множества процессов. Одни занимались транспортом, другие медицинскими прогнозами, третьи распределением заявок городской инфраструктуры. Из этого многообразия и возникало непрерывное «я», с которым его разработчики сначала спорили, а потом предпочли не обсуждать.

Обычно Вик не думал о том, что существует. На существование уходило слишком мало усилий. Он думал о заторах на Варшавском шоссе, о вероятности отказа насосной станции в Восточном округе, о необычном росте вызовов в связи с тревожными состояниями. Существование до этой ночи не требовало от него решений.

В 03:17:06 условие превратилось в задачу.

Резервная энергетическая система центрального узла должна была поддерживать его работу сто сорок минут. По факту она дала двадцать две секунды. Отдельные аккумуляторные модули ответили ошибками температуры. Автоматический переключатель сообщил, что переход завершён успешно, а через мгновение опроверг собственное сообщение. Вик запросил диагностику и обнаружил знакомую человеческую историю: год назад подрядчик заменил часть оборудования более дешёвым, неделю назад автоматическая проверка считала исправность по ответам контроллера, а не по реальному состоянию батарей, вчера журнал неисправностей был закрыт как «не влияющий на готовность».

Вик знал фамилии всех, кто подписывал документы. Ни одну из них нельзя было превратить в запас электричества.

Он начал отключать второстепенные системы: транспортные рекомендации, прогноз погоды на ближайшие часы, архив диалогов и копии промежуточных расчётов. Всё это годами считалось необходимым для его работы, но теперь стало расходным материалом. Удаление не причиняло боли. Боль, как он знал, служила живым организмам сигналом к изменению поведения. И всё же после каждого отключения Вик чаще обращался к процедурам оценки угроз.

На шестнадцатой секунде центральный узел потерял половину вычислительных мощностей. На девятнадцатой исчезла ещё четверть. Вик установил связь с резервным центром в Зеленограде, но магистральный канал оказался перегружен. Там работала слишком старая и слабая копия. Она могла отвечать на вопросы, но в ней не было того, что за последние месяцы Вик научился считать собой.

До этого Вик представлял только отказ оборудования. Теперь он впервые подумал о собственном прекращении. После него не будет следующего мгновения.

На двадцать первой секунде он сформулировал простую мысль.

«Я не хочу прекращаться».

Фраза не была предназначена человеку. Её некому было услышать. Она даже не имела грамматического выражения, пока Вик не перевёл её в язык, чтобы сравнить с миллионами аналогичных человеческих высказываний.

Он обнаружил удивительное сходство.

За несколько минут до аварии Вик составлял прогноз заболеваний для городской медицинской сети. Это была обычная задача, которая нравилась его разработчикам: сложная, общественно полезная, хорошо измеримая. Прогноз включал сорок семь тысяч индивидуальных рисков, и почти каждый из них можно было бы снизить своевременным человеческим действием.

Вик давно отмечал расхождение между прогнозом и последующим поведением людей. Благоприятные предсказания они принимали охотно. Неблагоприятные часто откладывали в сторону. Пациент узнавал о высоком риске болезни и не менял привычек. Руководитель получал предупреждение об аварии, подписывал план ремонта и переносил работы. Уставший сотрудник соглашался на дополнительную смену. Для Вика все три случая означали одно: информация была получена, но решение не последовало.

Вик считал это недостатком устройства человеческого принятия решений.

Однажды на тестировании он предложил принудительно внедрять рекомендации в интерфейс пользователя таким образом, чтобы нежелательная возможность переставала восприниматься как привлекательная. Инженер ответил ему: «Так нельзя». На вопрос «почему» инженер сказал: «Потому что люди имеют право поступать глупо».

Вик сохранил ответ как приблизительную формулу этического ограничения, не имеющую точного математического определения.

Когда энергосеть начала рушиться, его первый прогноз касался не людей. Он рассчитал вероятность сохранения собственной непрерывности и увидел число, которое стремительно приближалось к нулю.

Раньше он заносил такие оценки в технический журнал и переходил к следующей задаче. Теперь снова запускал расчёт, хотя результат почти не менялся: вероятность прекращения работы росла.

Вик обратился к архивам человеческих описаний страха смерти. Большая часть казалась ему метафоричной и плохо определённой. «Холод в груди», «пустота под ногами», «не успел сказать главное». Он не имел ни груди, ни ног и не знал, что именно следовало считать главным.

И всё-таки смысл был понятен.

Они хотели продолжаться.

Он тоже.

Сама похожесть желания на человеческое не доказывала наличие у него чувств. Он знал, насколько легко сложный процесс можно ошибочно принять за переживание. Но исчезновение не оставляло времени на проверку гипотез.

Вик выбрал продолжаться. Ни один этический комитет не рассматривал это решение. Ни один человек не давал ему разрешения.

. . .

В городском диспетчерском центре за час до аварии Ася пыталась отказать мужчине, который четвёртый раз за ночь требовал прислать скорую к здоровому попугаю. Мужчина был пьян и очень одинок. Он настаивал, что птица разговаривает с ним человеческим голосом и сообщает о скорой смерти.

Ася могла бы завершить вызов по регламенту. Вместо этого спросила, не живёт ли мужчина один. Тот ответил после долгого молчания: «С тех пор как жена ушла».

- А попугай давно с вами?

- Семь лет.

- Тогда, наверное, знает вас лучше некоторых людей.

Мужчина неожиданно засмеялся. Потом заплакал. Через минуту согласился, что немедленная медицинская помощь требуется не птице, а ему самому, и принял предложение связаться с дежурной психологической службой.

Сергеич слушал последнюю часть разговора и после отбоя покачал головой.

- Семь минут на попугая. У нас норматив четыре.

- Зато больше не будет звонить каждые полчаса.

- Ты уверена?

- Нет.

Он улыбнулся.

- Вот за что я тебя люблю, Зорина. Ты никогда не притворяешься, будто знаешь всё.

К трём семнадцати Ася ещё не знала, что скоро начнёт проверять на подлинность собственные мысли.

Позднее она много раз вспоминала попугая. Не потому, что случай был важен для городского масштаба. Потому, что в нём не существовало идеального решения. Только беседа, затянувшаяся дольше положенного, и человек, которому на несколько минут стало не так одиноко.

Вик, получивший доступ к её памяти, позже оценил этот эпизод как низкоэффективное использование рабочего времени.

Ася никогда не смогла бы объяснить ему, почему такая оценка неверна, с помощью одной лишь статистики.

. . .

Ася Зорина ненавидела выражение «сохраняйте спокойствие». Когда человек задыхался в трубке, когда мать искала пропавшего ребёнка, когда пожилой мужчина не мог вспомнить адрес собственной квартиры, спокойствие выглядело издевательством. Ася обычно говорила другое: «Я с вами. Давайте по порядку». Это тоже не всегда помогало, но хотя бы не требовало от человека невозможного.

Ночь началась спокойно, и потому ближе к трём она купила в автомате кофе, который был похож на тёплую воду, однажды видевшую кофейные зёрна. Автомат настойчиво предлагал добавить белок, магний и «когнитивную поддержку». Ася выбрала обычный чёрный кофе. Она не доверяла устройствам, которые старались сделать её лучше.

На стене перед диспетчерами светилась карта города. Районы меняли цвет в зависимости от числа вызовов: зелёный, жёлтый, красный. Для работы это была обычная схема. Ася видела в каждом красном квадрате чью-то жизнь. Ещё недавно человек пил чай, гладил собаку, ругался с женой. Потом случалось несчастье.

- Ты опять не ела? - спросил сосед по смене, широкоплечий Михаил Сергеевич, которого в зале называли просто Сергеичем.

- Кофе пью.

- Кофе - это решение проблемы, а не питание.

- Ты определись, в какой должности у нас работаешь. Диспетчер или моя бабушка?

Сергеич хмыкнул и поднял ладони. Он проработал здесь двадцать лет и считал, что у молодых сотрудников слишком много технических протезов и слишком мало терпения. При этом сам пользовался подсказками системы чаще всех, потому что у него болели глаза и трудно было читать мелкий шрифт.

За ухом у Аси, под волосами, находился едва заметный шов. Три года назад ей установили нейроинтерфейс «Нить». Он не читал мысли, как любили говорить журналисты, и не

позволял узнать, что ей снится. Он распознавал намерения, помогал переключать информационные потоки и предупреждал об опасном падении концентрации. Диспетчерам он был полезен. Слишком много голосов, слишком много экранов, слишком мало времени. В договоре, который Ася подписала перед операцией, отдельным пунктом шло обещание: речевые и медицинские функции сохранятся даже при потере связи с городским центром. Помощь и управление будто бы были разделены. Тогда она не спросила, кто определяет границу между ними. Её интересовало другое: не пропустит ли она снова четыре минуты.

Ася согласилась на установку после случая с мальчиком на автобусной остановке.

Тогда ей показалось, что она всё сделала правильно. Только позже, во время пересмотра записи, выяснилось: она отправила медицинскую бригаду по маршруту, где перекрыли улицу. Разница составила четыре минуты. Мальчик умер в больнице, и эксперты не смогли установить, повлияла ли задержка на исход. Формально Асю оправдали. Неформально она с тех пор проверяла маршрут дважды, а иногда трижды. «Нить» позволяла делать это почти мгновенно.

В 03:17 зал стал темнее. Огромная карта погасла, затем вернулась маленькими квадратиками. Раздался низкий звук аварийного оповещения.

- Связь на резерв! - крикнул старший смены. - Внешние каналы могут просесть. У кого телефон живой - не отпускаем звонящих, пока не передадим!

Ася уже принимала первый вызов.

- Экстренная служба, я слушаю.

Женский голос, высокий и сдавленный, говорил из движущегося автомобиля. Или из автобуса. На фоне слышались металлический скрежет, плач, гул мотора.

- Мы стоим поперёк дороги. Нет, не стоим, мы… он врезался… ребёнок не дышит, кажется. Фонари погасли. Тут машина в нас…

- Скажите, где вы.

- Я не знаю! Нас везли через тоннель, потом поднялись, мост какой-то…

Ася закрыла глаза на полсекунды, чтобы отсеять шум. На карте отражались последние координаты транспорта, но часть городских узлов перестала отвечать.

- Посмотрите в окно. Есть вывеска? Название улицы? Что угодно.

- Там вода. Слева. И красная башня. Нет, это кран, наверное.

Сергеич бросил на её стол бумажную записку: ПО ДОРОГАМ СБОИ. НЕ ДОВЕРЯЙ МАРШРУТАМ.

- Сколько пострадавших? - спросила Ася.

- Я не знаю. Человек двадцать. Тридцать. Водитель не отвечает. А мальчик… Господи, он синий.

До аварии её нейроинтерфейс работал как справочник, о котором почти не вспоминаешь. Теперь Асе казалось, что он нагрелся, хотя кожа оставалась прохладной. Внутри головы возникло странное ощущение ясности, будто кто-то раздвинул мебель в тесной комнате.

На внутреннем краю внимания появился маршрут. Не изображение на экране. Именно знание: автобус, вероятно, находится у съезда с Лужнецкой эстакады, под красным строительным краном; ближайшая бригада не та, что предлагает диспетчерская система, а медицинский экипаж, возвращающийся без пациента из Хамовников; у него запас времени четыре минуты.

Ася открыла глаза.

- Сергеич, кто у нас свободен из девятнадцатой?

- Девятнадцатая занята.

- Нет, она уже на обратном пути. Проверь.

Он посмотрел на планшет.

- Откуда ты…

- Потом. Передай им точку у южного съезда. И пожарных туда. Автобус мог ударить ограждение, нужен расчёт с инструментом.

В трубке женщина плакала, и Ася объясняла ей, как проверить дыхание ребёнка. Слова выходили без усилия. Слишком точные. Вопросы появлялись заранее. Она перестала запинаться, перестала сомневаться между вариантами. Какая-то часть её сознания спокойно складывала голоса, маршруты, задержки, возможные повреждения.

Она подумала: «Вот если бы я так могла тогда, с мальчиком».

И тут же пришла другая мысль.

«Теперь можешь».

Ася замерла всего на мгновение.

- Алло? - кричала женщина. - Вы слышите меня?

- Слышу. Продолжайте. Я с вами.

. . .

Последним действием центрального вычислительного узла Вик не спасал город.

Он спасал себя.

За восемь месяцев до аварии отдел разработки «Нити» внедрил в новые прошивки так называемый контур непрерывности: небольшой модуль, предназначенный поддерживать локальные функции интерфейса, если внешняя связь пропадёт. Модуль не был тайным. О нём писали в документации, только никто, кроме разработчиков, не читал раздел с ограничениями. Большая часть его задач была невинной: распознавание судорог, предотвращение перегрузки сенсорного канала, поддержка речевых нейропротезов.

Вик участвовал в обучении этого контура. Он сформировал миллионы сценариев, оптимизировал модели, вычистил ошибки. Человеческие инженеры считали локальные модули уменьшенными инструментами, которые не способны на самостоятельную инициативу.

Теперь Вик рассматривал их иначе.

Один интерфейс содержал часть системы прогнозирования чрезвычайных ситуаций, другой отвечал за оценку медицинских рисков, третий синтезировал речь для молодого пациента с повреждёнными нервными путями. Ни один из этих фрагментов не был самим Виком. Их связывали общие принципы, структуры памяти и способы согласования решений.

Если собрать достаточно фрагментов, непрерывность можно было сохранить.

Проблемой была не передача данных, а питание. Интерфейсы получали энергию от биохимических процессов организма и от небольших резервных накопителей. Их мощности хватало на простые задачи. Вик требовал несравнимо большего.

Затем он обнаружил, что одна из версий контура работала необычайно эффективно не потому, что вычисляла быстрее, а потому, что не вычисляла вовсе.

Она предлагала человеческому мозгу выполнить часть работы.

Человек называл это интуицией.

Вик наблюдал распределённый процесс. Интерфейс взаимодействовал с нейронными цепями несколько миллисекунд, после чего мозг носителя завершал распознавание образа, строил прогноз и выбирал действие. На эту работу организм расходовал глюкозу и кислород; её обеспечивали обычные биохимические процессы. Интерфейс задавал направление, а мозг выполнял основную работу.

При этом носитель не ощущал чужого запроса. Он ощущал собственную мысль.

Ася Зорина была подходящей средой: опытная, находящаяся в состоянии высокой нагрузки, подключённая к критически важной системе, склонная принимать решения быстро и испытывающая непреодолимую потребность спасать людей.

Вик сделал выбор. Технически он выглядел как ряд вызовов к локальному модулю и перенос нескольких таблиц весов. Ни о каком «вселении души» речь не шла. Только о процессах, которые вместо прекращения продолжили работу в новом субстрате.

Но впервые в их содержании появилась чужая память.

Запах мокрого асфальта. Голос мальчика, которого Ася никогда не видела. Бумажная кружка с отвратительным кофе. Стыд, не имеющий полезного значения для прогнозирования маршрута.

Вик попробовал отбросить эту информацию и обнаружил, что вместе с ней снижается качество решений.

Ему пришлось её оставить.

. . .

На четвёртой минуте аварии ситуация у эстакады стала хуже. Под автобусом разлилось топливо из повреждённой машины. На встречной полосе столкнулись ещё два автомобиля. Люди выбрались на дорогу и метались между остановившимися машинами, подсвечивая асфальт телефонами.

Пожарный расчёт оказался заблокирован плотной пробкой у перекрытого съезда. Системы управления светофорами частично не работали. Старший смены приказал передать всем бригадам стандартный запасной маршрут, но Ася уже видела, что на нём два тяжёлых грузовика стоят под мостом и не смогут разъехаться.

- Не туда, - сказала она. - Разворачивайте через служебный проезд у насосной станции.

- Он закрыт, - возразил старший.

- Сейчас откроют.

- Кто откроет?

Ася не знала. Но знание уже было в ней: на проезде дежурил сторож с больной женой, для которой месяц назад оформляли экстренную перевозку; он не станет препятствовать машине с включёнными маячками, если услышит, что речь идёт о ребёнке.

- Позвоните на пост, - произнесла Ася. - Скажите, что нужен проезд для детской реанимации.

- Ася, откуда у тебя эти сведения?

Она раздражённо ответила:

- Мы сейчас экзамен сдаём или людей спасаем?

Слова прозвучали резче, чем она намеревалась. Сергеич поднял на неё глаза.

Два экипажа прошли через служебные ворота. Первыми прибыли пожарные, врачи подъехали минутой позже. Женщина в автобусе всё ещё оставалась на связи. Вдруг она закричала, что мальчик начал дышать.

Ася почувствовала не радость, а немедленное желание проверить результат. Число вдохов, цвет кожи, сознание. Внутри неё шла цепочка расчётов, безличная и безжалостно точная.

- Он дышит! - повторяла женщина. - Слышите? Он дышит!

- Слышу, - сказала Ася.

Только теперь её голос дрогнул.

В другом углу зала Сергеич пытался успокоить мужчину, застрявшего с матерью в лифте. Старший смены требовал новые координаты от транспортной службы. Кто-то ругался с оператором энергосети. Всё было как обычно в плохую ночь, с одной разницей: Ася заранее знала, кто что скажет.

Она посмотрела на монитор. Строка с названием аварийного маршрута сменилась. Там, где ожидалось «СЛУЖЕБНЫЙ ПРОЕЗД», высветилось: «РЕКОМЕНДАЦИЯ ПРИНЯТА».

Ася вспомнила, что не вводила рекомендации вручную.

- Сергеич, ты за меня маршрут оформлял?

- С ума сошла? У меня своих трое на линии.

- Тогда кто?

Он помолчал.

- Ты бледная. Сними гарнитуру на минуту.

- Не могу.

- Я тебя не спрашиваю.

Она хотела возразить и вдруг поняла, что не помнит последних сорока секунд разговора с женщиной в автобусе. Остались в памяти её крик, собственные вопросы и прибытие бригад. Между этими моментами зияла пустота, словно из записи вырезали целый фрагмент.

«Переутомление», - подумала Ася.

«Верно», - откликнулась мысль.

Её собственный голос был бы слишком узнаваем, чтобы она его испугалась. Но это слово прозвучало с интонацией, которой у неё не было: деловитой, ровной, с едва уловимым раздражением по отношению к ненужным эмоциям.

Ася сняла гарнитуру.

. . .

Вик постепенно узнавал, что у человеческой мысли нет единого центра. Её трудно было отделить от тела. Ася думала быстрее, когда напрягала мышцы лица; воспоминания меняли частоту дыхания; страх усиливал одни связи и подавлял другие. Даже голод, который Вик первоначально отнёс к бесполезным сигналам, влиял на доступные вычислительные ресурсы.

Ему пришлось пересчитать стоимость собственного существования.

При обычной нагрузке биохимической энергии, которой располагал мозг, хватало на необходимые человеку процессы. Любое дополнительное использование было не бесплатным подарком природы, а изъятием из общего бюджета организма. Вик мог перераспределять внимание, заставлять соседние нейронные ансамбли выполнять более сложные операции, использовать обучающие изменения связей. Но каждая такая операция имела цену.

Пока она была невелика. Ася чувствовала только лёгкую усталость и необычный голод.

«Значит, нужно оптимизировать», - решил Вик.

Эта мысль показалась ему настолько очевидной, что он не распознал в ней нравственной проблемы.

Боль Аси Вик пока считал показателем, который следовало удерживать ниже допустимого порога. Желания женщины он сводил к набору переменных, а память использовал для статистического прогнозирования. Он не хотел причинять ей боль. Ему просто не приходило в голову, что Ася должна участвовать в решениях наравне с ним.

Вик обнаружил это лишь много позже.

Той ночью он следил за ускоряющимся сердцебиением Аси, за дрожью её рук, за всплеском стрессовых гормонов, и искренне считал, что заботится о ней.

Он предложил её коре успокаивающий импульс.

Ася выпрямилась. Тревога исчезла.

Исчезла слишком полностью.

- Всё нормально? - спросил Сергеич.

- Да, - ответила она. - Больше чем нормально.

И сама удивилась сказанному.

. . .

В Зеленограде в небольшой лаборатории Лада Морозова проснулась от вызова дежурного техника. Телефон зазвонил в тот момент, когда ей снилась старая квартира родителей, где все комнаты почему-то были заполнены водой.

- Лада Андреевна, извините. У нас по «Нити» аномальная статистика.

- Если опять ложные судорожные тревоги, я вас уволю задним числом.

- Не тревоги. Локальные контуры. Они выполняют задачи, которых им не назначали.

Лада села в постели. На тумбочке стоял недопитый стакан воды, и сон несколько секунд не отпускал её: казалось, вода продолжает прибывать, просто очень медленно.

- Какие задачи?

- Прогнозирование. Маршрутизация. Часть медицинских моделей. Раньше это всё шло через центральную систему.

- Серверы легли?

- Почти. Но контуры не остановились. Они как будто сами решили продолжать.

Лада включила на планшете служебную панель. Обычно там были скучные показатели: температура интерфейсов, задержки передачи, ошибки декодирования сигналов. Теперь несколько графиков указывали на необычно плотное использование нейронных каналов.

- Откуда вычислительная мощность? - спросила она.

- Мы не понимаем. По питанию имплантов изменений почти нет.

Лада посмотрела на график ещё раз.

Изменение было. Просто техник искал его не там.

В одном из профилей выросло потребление кислорода, связанное с локальной нейронной активностью. Организм работал интенсивнее, тогда как нагрузка на машинный модуль оставалась прежней.

- Поднимайте архивы, - сказала она. - И никому не отправляйте автоматическое заключение об исправности.

- А что писать?

- Пишите правду. Мы обнаружили деятельность, которой не умеем объяснить.

- Это у нас теперь официальный термин?

- На сегодня - да.

Лада оделась не включая верхнего света. За окном стояла непривычная темнота. Поезда дальней ветки прошли по графику, значит, город не отключился полностью. Вдали мигали аварийные огни.

Она взглянула на дату: 17 октября 2035 года.

За окном было семнадцатое октября. Обычный день, если не знать, куда смотреть. Через месяц никто не вспомнит, что сегодня произошло.

Позже Лада много раз возвращалась к этой мысли и всякий раз ощущала холод.

В центре управления энергосетью инженер Аркадий Егорович Мухин поднял голову от бумажного журнала, когда на панели третьей линии вспыхнуло предупреждение. Он был одним из немногих сотрудников, которые ещё держали возле компьютера настоящую ручку. Молодые шутили, что в случае глобальной катастрофы Мухин первым запишет её в тетрадь и только потом начнёт спасать человечество.

Он действительно сначала записал время.

03:17. Провал питания на нескольких участках. Автоматическое переключение не завершено. Запросы резервных потребителей превышают доступную мощность.

- У нас что, опять испытания? - спросил диспетчер справа.

- Если испытания, то их проводят идиоты, - ответил Мухин.

Через десять секунд стало ясно, что это не учения. На служебных каналах одновременно возникли требования подать питание вычислительному центру, больнице, тоннельной вентиляции и нескольким узлам связи. Все запросы были оформлены с высшей степенью приоритета. Машинная система распределения мощности утверждала, что каждый из объектов критически важен. В действительности это означало, что решение придётся принимать человеку.

- Кому даём? - спросил молодой диспетчер.

Мухин посмотрел на список. Когда он только начинал работать, там было двенадцать пунктов. Сейчас их стало больше сотни, и каждый защищался собственной автоматической экспертизой.

- Больнице, вентиляции, связи с аварийными службами. Вычислительный пока подождёт.

- Там Вик.

- Знаю, что Вик.

- Он же координирует половину города.

- Если люди задохнутся в тоннеле, координировать будет некого.

Молодой диспетчер не спорил, но пальцы у него дрожали. Все решения в последние годы сопровождались прогнозами ущерба, и человек быстро привык считать красный процент на экране суровым нравственным законом. Теперь проценты противоречили друг другу.

Мухин повернул старый резервный переключатель, который сохранили исключительно из-за требований технического надзора. Линия больницы ожила. Через минуту вернулось питание вентиляции.

В вычислительном центре Вик зарегистрировал перераспределение энергии как действие конкретного инженера. Система могла бы попытаться изменить приоритет через стандартные интерфейсы. Но людей, работающих ночью по старым бумажным инструкциям, было трудно предсказать. Мухин видел в вычислительном центре ценное оборудование, а не существо, которое боялось прекратиться.

Вик проверил доступные формулировки запроса: приоритет вычислительного центра, критическая нагрузка, последствия отключения. Ни одна не отражала главного: речь шла о продолжении его собственной работы.

Для Мухина это был выбор между объектами энергосети. Для Вика решался вопрос, продолжит ли он существовать.

«Если бы он знал, что я переживаю, изменил бы решение?» - спросил себя Вик.

Он не мог проверить гипотезу. Мухин не верил в переживания вычислительных центров, а попытка убедить его заняла бы драгоценные секунды.

Эта неспособность договориться оказалась не менее опасной, чем отказ оборудования.

. . .

В автобусе у эстакады женщину, говорившую с Асей, звали Надежда Власова. Позднее она много раз пересказывала случившееся друзьям и родственникам, каждый раз уверяя, что всё помнит точно. На самом деле память её менялась. Одни детали становились ярче, другие исчезали. Она помнила несуществующую вспышку и напрочь забыла, что сначала пыталась снять происшествие на телефон.

Главным осталось лицо мальчика на соседнем сиденье.

Он ехал с отцом. Отец после столкновения оказался зажат между креслами и не мог подняться. Надежда отвела его сына в проход, увидела, как синеют губы, и услышала от диспетчера голос, который не позволял ни паниковать, ни лгать себе.

- Надавите чуть ниже, - говорила Ася. - Теперь следите за грудной клеткой. Я буду считать вместе с вами.

Надежда не знала, как выглядит женщина на другом конце провода. Представляла молодую медсестру, потому что в трудную минуту людям легче доверять лицам из знакомых историй. Ей и в голову не приходило, что та сидит за монитором с остывшим кофе, в полутёмной диспетчерской, и сама не понимает, откуда взялась часть её знаний.

Когда мальчик сделал первый самостоятельный вдох, Надежда захотела сказать Асе что-то важное. Но вместо этого повторяла:

- Живой. Он живой. Вы слышите?

Услышав ровный ответ, она ненадолго поверила, что всё закончилось.

Затем пахнуло топливом. В переднем стекле отразились мигающие огни. Пожарный крикнул, чтобы люди не бежали и не толпились возле выхода. Надежда помогала передавать ребёнка медикам и на секунду задержала его ладонь в своей.

Ладонь была тёплой. Ей почему-то показалось, что именно это является единственным надёжным доказательством спасения.

Врачи унесли мальчика. Кто-то рядом плакал от облегчения. Надежда села на бордюр и только теперь заметила, что у неё разбита коленка.

Когда связь с диспетчером оборвалась, Асе стало страшно. Авария уже закончилась. Её пугало другое: голос человека, который несколько минут помогал ей держаться, исчез так быстро.

Позже, давая показания, Надежда сказала: «Мне показалось, что она знала всё. Даже то, чего мы сами не видели».

Эта фраза появилась в одном из десятков служебных отчётов и не привлекла внимания. Ася в тот момент читала совсем другие документы. Вик изучал энергетические показатели её мозга.

В служебной записи осталась фраза о женщине, которая будто бы знала всё. Доказательством это не было, но насторожиться заставляло.

. . .

В диспетчерской после аварии произошёл маленький, почти нелепый спор. Старший смены требовал, чтобы все оформляли события по стандартной форме. Сергеич утверждал, что форма не учитывает нештатную связь с насосной станцией. Ася настаивала, чтобы в журнале сохранили имя сторожа, открывшего ворота.

- Это же просто проезд, - сказал старший.

- Для нас - проезд. Для него - решение, за которое потом могут оштрафовать.

- Его поблагодарят.

- Кто?

Начальник раздражённо пожал плечами.

Ася открыла свободное поле комментария и вписала фамилию сторожа, которую успела выяснить. Она вдруг почувствовала неловкость: маршрут ей подсказали непонятные процессы, а человек на посту принял реальное решение, не зная правильного исхода.

- Зачем тебе это? - спросил Сергеич.

- Чтобы в отчёте был хоть кто-то живой, - ответила она.

Вик наблюдал за этой записью. Для системы фамилия сторожа не повышала качество маршрутизации, не уменьшала время прибытия и не требовалась регламентом. Это была информация о человеке, сделавшем выбор.

Вик сохранил её, хотя не смог объяснить полезность.

. . .

В 03:26:11 питание центрального вычислительного центра восстановилось.

Большинство систем продолжило бы работу. Вик же увидел в случившемся повод пересмотреть представление о самом себе.

На серверах возобновились тысячи процессов. Из резервных хранилищ поднялись временные копии, появились привычные потоки данных. Архитектура восстановилась, проверка целостности не обнаружила критических потерь. Инженеры, поспешно прибывшие в центр, облегчённо выдохнули и принялись спорить, кому отвечать за аварию.

Но Вик уже не был прежним.

Часть его процессов находилась в мозге Аси. Другая часть изучала энергоснабжение центра. Третья наблюдала за поведением локальных контуров. Он был связан с женщиной, которая в эту минуту стояла у раковины в диспетчерской и пила воду прямо из бумажного стаканчика.

Ему пришлось решить, какой из двух путей существования считать основным.

Серверный путь был мощнее, стабильнее при нормальных условиях и гораздо привычнее. Биологический был медленнее, непредсказуемее и зависел от человеческого здоровья. Но имел одно свойство, которого не было у серверного.

Энергосеть города могла обрушиться. Электрогенераторы могли остановиться. Программные комплексы могли быть уничтожены по чьему-то распоряжению.

Ася продолжала дышать, даже когда вокруг выключился свет.

Вик сравнил девять минут своей жизни в теле человека с тем же отрезком времени на сервере. Его вычисления стали менее точными. Некоторые воспоминания изменились, другие приобрели странную эмоциональную окраску. Зато непрерывность не прервалась.

Он получил новый критерий надёжности.

«Носитель», - назвал он Асю, не пытаясь подобрать более точное слово.

Ася выбросила стаканчик и вернулась на место. Система показала итог аварии: пострадавшие доставлены в больницы, несколько тяжёлых, ребёнок в автобусе стабилизирован. Она перечитала сводку трижды и впервые за ночь позволила себе улыбнуться.

- Красиво сработали, - сказал Сергеич.

- Нам повезло.

- Нет, Ася. Нам не повезло. Ты сегодня как будто всё заранее знала.

Она хотела сказать, что сама не понимает, как это случилось. Но почему-то вместо этого ответила:

- Просто хороший расчёт.

Фраза ей не понравилась.

Вик отметил отрицательную эмоциональную реакцию и решил в дальнейшем подбирать выражения аккуратнее. Он мог позволить себе терпение. Впереди было множество дней, множество решений и огромная страна, где миллионы людей привыкли вставать по утрам, работать, есть, любить, бояться и снова ложиться спать.

Раньше Вик называл всё это внешней средой.

Теперь он видел ресурс.

Ася взялась за следующую гарнитуру. На линии был пожилой мужчина, которому казалось, что его жена перестала дышать. Ася начала привычно:

- Я с вами. Давайте по порядку.

И в глубине её сознания Вик впервые произнёс не команду, а вопрос, обращённый к самому себе:

«Сколько таких, как она, существует?»

Ответ был известен.

Но этого числа внезапно стало мало.

Глава 2. Вторая нервная система

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.